

Ганс Кехлер

**Формирующийся многополярный баланс сил
против высокомерия распадающейся империи**

XXI Международные Лихачевские научные чтения

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

Санкт-Петербург, Россия, 25–26 мая 2023 года

© 2023, Ганс Кехлер. Все права защищены.

V3/20-IV-2023

Концепция и история мирового порядка

В дискурсах о международных отношениях «мировой порядок» понимается как в *описательном*, так и в *предписывающем* (нормативном) смысле. Смещение этих двух аспектов стало причиной многих актуальных полемик. В рамках данного анализа мы ограничимся первым, а именно рассмотрением фактических *отношений власти*, которые определяют — и ограничивают — глобальное взаимодействие государств. Порядок в таком контексте — и баланс сил, который он включает в себя — не является чем-то статичным. Он находится в состоянии постоянного изменения. В зависимости от исторического соотношения сил может существовать один, два или несколько центров власти. Пока что в эмпирическом плане мало что можно сказать о стабильности любой из этих конфигураций — однополярной (гегемонистской), биполярной или многополярной. Все зависит от неопределенного сочетания факторов исторической последовательности.

Хотя многосторонний порядок Меттерниха — союз великих держав после 1815 года — обеспечил рамки относительной стабильности после наполеоновских потрясений ¹, в конечном итоге он уступил место безудержной борьбе за власть этих же стран, кульминацией которой стала Первая мировая война. Этот конфликт привел к довольно искусственной и хрупкой реорганизации международных отношений на основе приоритетов, установленных державами-победительницами.

И напротив, удивительная долговечность биполярного порядка после 1945 года была основана на *взаимном сдерживании* между основными ядерными державами той эпохи, Соединенными Штатами и Советским Союзом, то есть от их постоянного осознания жестокой истины «взаимно гарантированного уничтожения» (mutually assured destruction — MAD) ². Хотя это обстоятельство не прекратило действие с распадом Советского Союза и упразднением Варшавского договора, биполярный порядок в конечном итоге уступил подавляющей экономической мощи и убедительности Соединенных Штатов, нового гегемона. Между тем стабильность образовавшегося однополярного соотношения сил

¹ Ср. Джеймс Р. Софка, «Теория европейского порядка Меттерниха: политическая повестка для «бессрочного мира», в издании: *The Review of Politics*, Том 60, № 1 (Зима 1998 г.), с. 211–228.

² Обзор см. у Генри Д. Сокольски, «*Становление MAD: ядерное взаимное гарантированное уничтожение, его истоки и практика*». Институт стратегических исследований (SSI), ноябрь 2004 г.

оказалась довольно хрупкой и иллюзорной, несмотря на пропагандистский лозунг о «конце истории»³. Главным толчком к нестабильности стало растущее неприятие — во всех уголках земного шара — триумфаторских, фактически *имперских* претензий на власть. Это развитие событий, описанное некоторыми наблюдателями со ссылкой на так называемый «эффект отдачи»⁴, представляется гораздо более *всеобъемлющим* и *многомерным*, чем трансформация глобального соотношения сил по чисто экономическим и/или военным причинам.

В то время как многополярный порядок после Второй мировой войны был в основном обусловлен военными параметрами, отражающими баланс сил между победителями в этом конфликте⁵, а биполярная система периода холодной войны увековечила этот тип соотношения сил в ходе *эскалации гонки вооружений*, сопровождаемой идеологическими формулировками, сейчас мир, похоже, находится на пути к новому, более подлинному многополярному соотношению сил. Постепенно развивающаяся многополярность отношений власти является *многомерной* и включает в себя военные, экономические, социальные и культурные факторы. С точки зрения отношений власти многополярность будет устойчивой только в том случае, если она будет многомерной.

Несмотря на многочисленные торжественные провозглашения «нового мирового порядка» главным бенефициаром краха биполярного порядка⁶, «избыток имперскости»⁷ в период после холодной войны сделал этот порядок неустойчивым. Быстрое технологическое и промышленное развитие незападного мира и, как следствие, расширение политических возможностей многочисленных игроков, усиленное и укрепленное глобализацией, стало

³ Фрэнсис Фукуяма, «Конец истории?» в источнике: *The National Interest*, Том 16 (Лето 1988 г.), с. 3–18, и: «Конец истории и последний человек». Лондон: Издательство Hamish Hamilton, 1992 г.

⁴ Например, Чалмерс Джонсон, «Эффект отдачи: цена и последствия американской империи». Нью-Йорк: Издательство Metropolitan Books, 2000 г.

⁵ Состав Совета Безопасности Организации Объединенных Наций с точки зрения постоянного членства отражает это соотношение сил. Подробнее ср. Кехлер, «Реформа Совета безопасности: требование международной демократии», в источнике: Джованни Финицио и Эрнесто Галло (ред.), «Демократия в Организации Объединенных Наций: Реформа ООН в эпоху глобализации». (Серия «Федерализм», № 1.) Брюссель и т. д.: Р.И.Е. Питер Ланг, 2013, с. 263–274.

⁶ Подробнее ср. Кехлер, «Демократия и новый мировой порядок». Исследования в области международных отношений, Том XIX. Вена: Международная организация прогресса, 1993 г.

⁷ Пол Кеннеди, «Взлет и падение великих держав: Экономические изменения и военные конфликты с 1500 по 2000 год». Нью-Йорк: Издательство Random House, 1987 г.

непреднамеренным следствием, которое не было предусмотрено пропагандистами безграничного мира под эгидой США. Этот процесс представляется неостановимым, не в последнюю очередь благодаря закону *actio-reactio* (лат.: «действие-противодействие» — прим. перев.), который распространяется также на экономические, социальные и культурные отношения.

Высокомерие распадающейся империи

Исторически переход от гегемонистского (однополярного) порядка к многополярному балансу сил редко бывает плавным. Защищая статус-кво, гегемон почти неизбежно склонен отрицать реальность, подавлять и игнорировать динамику отношений власти. Наиболее показательным примером является Стратегия национальной безопасности, провозглашенная президентом США Джорджем Бушем в 2002 году, согласно которой высшим ориентиром для вооруженных сил Соединенных Штатов должно быть построение и поддержание обороны страны «за пределами вызова»⁸. Это было провозглашение стратегии *бессрочной гегемонии*⁹, причем президент недвусмысленно заявил: «Могущество наших сил должно быть таково, чтобы потенциальные противники оставили всякие попытки наращивания военной мощи в надежде превзойти или сравняться с мощью Соединенных Штатов»¹⁰. В конечном счете, это *программа остановки истории*. В действительности же это квинтэссенция геостратегического отрицания реальности в ключе ранее упомянутой парадигмы «конца истории».

Менее чем за два десятилетия грандиозному (а фактически иллюзорному) представлению о неоспоримой гегемонии пришел конец. Исторически складывалось так, что встреча с реалиями власти и окончательное осознание неостановимости прогресса всегда оказывались травмирующими для доминирующего игрока. В силу по своей природе «оборонительного» характера

⁸ *Стратегия национальной безопасности Соединенных Штатов Америки* — сентябрь 2002 года. Вашингтон, округ Колумбия: Белый дом, 17 сентября 2002 г., глава IX.

⁹ О геостратегических последствиях ср. Джон Льюис Гэддис, «Большая стратегия трансформации», в источнике: *Foreign Policy*, № 133 (ноябрь-декабрь 2002 г.), с. 50–57.

¹⁰ *Стратегия национальной безопасности, там же*.

имперского правления¹¹ гегемон, чувствуя необходимость «упредить» потенциальные угрозы в любой момент, и особенно на пике власти, будет все чаще прибегать к *актам самоутверждения и самовосхваления*. (Император Адриан, который в зените Римской империи решил, как говорит пословица, «отступить от Вавилона», оказался редким исключением)¹².

В современном глобальном сценарии самоутверждение часто означает чрезмерное — и незаконное — использование односторонних экономических санкций, включая их экстерриториальное применение, со стороны защитника (защитников) статус-кво¹³. В резолюции, принятой подавляющим большинством голосов, эта практика была решительно осуждена Советом по правам человека ООН на его последней сессии¹⁴. Кроме того, существует сложная взаимосвязь между этим по сути карательным подходом и самовосхвалением гегемонистской державы, которая высокомерно утверждает свои ценности по отношению к антагонистам или конкурентам за власть. Так называемый «Глобальный закон Магнитского» Соединенных Штатов является тому примером¹⁵. Призывы к демократии, правам человека и верховенству закона — или, в современной западной терминологии, «порядку, основанному на правилах» — были частью в конечном итоге тщетных усилий по *делегитимизации* всех конкурентов, которые не придерживаются западной интерпретации этих понятий — с целью *легитимизации* гегемонистских притязаний Запада на власть. *Ложный универсализм*, который почти

¹¹ Эта характеристика может показаться довольно противоречивой. На первый взгляд, гегемония подразумевает тенденцию к распространению власти и контроля на весь земной шар, что требует *наступательной* стратегии. Однако наступательный подход подразумевает, что страна-гегемон постоянно находится «в обороне», чувствуя необходимость сдерживать ответные реакции других игроков и защищать статус-кво. Это и есть «оборонительная бдительность» гегемона.

¹² Ганс Кехлер, «ММХХII — ВОЙНА ИЛИ МИР: Речи и мысли в переломный год». Исследования в области международных отношений, Том XXXVIII. Вена: Международная организация прогресса, 2023, с. ix.

¹³ О юридических последствиях ср. Кехлер, «Санкции и международное право», в источнике: *International Organisations Research Journal*, Том 14, № 3 (2019) («Экономические санкции, глобальное управление и будущее мирового порядка»), с. 27–47; «Односторонние санкции», с. 32ff.

¹⁴ Организация Объединенных Наций / Генеральная Ассамблея, Совет по правам человека, пятьдесят вторая сессия, док. А/HRC/52/L.18, 27 марта 2023 г.: «Негативное влияние односторонних принудительных мер на осуществление прав человека».

¹⁵ «Глобальный закон Магнитского о подотчетности в области прав человека» (GMA). 114-й Конгресс, Публичный закон 114-328, подписан президентом Бараком Обамой 23 декабря 2016 г. – См. также Закон США «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (CAATSA). 115-й Конгресс, Публичный закон 115-44, подписанный президентом Дональдом Трампом 2 августа 2017 г.

истерически требует, чтобы все одобрили западную интерпретацию, а фактически «деконструкцию» ценностей, связанных с семьей, социальной и культурной идентичностью и т. д.¹⁶, является частью колониального наследия западных держав. Он представляет собой новую форму *культурного империализма*, который полностью игнорирует глобальное разнообразие взглядов на мир и социокультурных ценностей — на разных стадиях их выражения — и вместо этого навязывает культурно-цивилизационное единообразие всем странам и народам¹⁷. Папа Франциск справедливо и неоднократно критиковал такой подход как форму «культурного колониализма», с помощью которого «западные страны стремятся навязать свои ценности развивающимся странам в обмен на финансовую помощь»¹⁸. Самовосхваление в сочетании с политическим и экономическим шантажом часто были характерны для арьергардных действий империй, находящихся в упадке.

Однако в сегодняшней глобальной реальности эти стратегии и политика могут вызвать ответную реакцию все большего числа народов и стран. Чрезмерное самоутверждение, направленное на сохранение доминирующего положения, на самом деле ускорит упадок власти. Настаивать на бессрочном лидерстве — претендовать на статус глобальной парадигмы — всегда было иллюзорной стратегией. События, произошедшие после февраля 2022 года, являются наглядным подтверждением этого закона истории.

Риск глобальной нестабильности в условиях формирующегося многополярного порядка будущего

Если в первые два десятилетия после крушения биполярного баланса сил отстаивание геостратегических интересов новым гегемоном привело к войне и дестабилизации, особенно на Ближнем Востоке, что имело серьезные

¹⁶ Ср. Кехлер, *Права человека и глобальная политика власти. Заявление, сделанное на параллельном заседании 51-й сессии Совета ООН по правам человека*. Женева (СН) / Чанчунь (Китай), 19 сентября 2022 года. Вена: Международная организация прогресса, 2022 г., <http://i-p-o.org/Koehler-HUMANRIGHTS-GLOBAL-POWER-POLITICS-UNCHR-Side-Meeting-19Sept2022.pdf>.

¹⁷ О природе культурного империализма, ср. Кехлер, «*Культура и империя: имперская претензия на культурное превосходство против диалектики культурной идентичности*». I.P.O. Публикации онлайн. Вена: Международная организация прогресса, 2009 г., http://i-p-o.org/Koehler-Culture_and_Empire-IPO-OP-2009.htm.

¹⁸ «Папа Франциск критикует Запад за попытки экспорта собственной марки демократии в Ирак и Ливию». REUTERS, *Faithworld*, 18 мая 2016 г., <https://www.reuters.com/article/instant-article/idUK415642318520160518>.

последствия для Европы, то последние события в Европе несут в себе риск более широкого геополитического противостояния, которое, по сути, разрастается до глобального масштаба. Холодная война биполярной эпохи возрождается в виде новой «холодной войны» между западным блоком, контролируемым Соединенными Штатами, и Российской Федерацией. Прокси-война в Украине и вокруг нее привела к крайне нестабильной ситуации в мире ¹⁹. В этом сценарии борьба за власть между основными конкурирующими силами современности (США, Россия, Китай) заслоняет собой постепенное возникновение новой многополярной конфигурации мира. Как учит нас история, пробная схватка среди множества действующих лиц, стремящихся сразу переломить исход в свою пользу, всегда грозит стать предвестником затяжной турбулентности. Кроме того, в ситуации крупной геополитической трансформации, а фактически — переоценки баланса сил после довольно бурной гегемонистской интермедии ²⁰, нельзя упускать из виду риски ядерной конфронтации ²¹.

События 2022 года ускорили эволюцию глобального миропорядка в сторону нового многополярного соотношения сил, которое будет заметно отличаться от существовавшего сразу после окончания Второй мировой войны. Хотя это не «смена эпох» (*Zeitenwende*), диагностированная канцлером Германии — несмотря на Устав ООН, канцлеровский «порядок, основанный на правилах», не существовал или не соблюдался доминирующей западной державой в период до февраля 2022 года — тем не менее, это будет «смена погоды», не в смысле парадигмы, но в смысле смещения центра тяжести от западного индустриального мира к странам и регионам, с которыми в течение многих десятилетий Запад обращался довольно высокомерно.

Как и события в Европе, роль Китайской Народной Республики в качестве посредника в до сих пор не разрешенных спорах на Ближнем Востоке (Иран — Саудовская Аравия / прокси-война в Йемене) является знаменем времени. Бессрочное доминирование США в качестве могущественного посредника и мирового арбитра уже не является чем-то неоспоримым.

¹⁹ Подробнее см. Кехлер, «ММХХII – Война в Европе», в источнике: Кехлер, «ММХХII — ВОЙНА ИЛИ МИР», с. 113–140.

²⁰ Здесь имеются в виду неоднократные агрессивные войны, акты интервенции и применение экономического принуждения со стороны мирового гегемона после 1990 года.

²¹ Ср. Кехлер, «Политика мира в ядерную эпоху», в источнике: *Current Concerns*, № 21, 11 октября 2022 г., стр. 1–3.

Элементы устойчивой многополярности

Как объяснялось ранее, для того чтобы новая многополярность была *подлинной*, она должна быть *устойчивой* с точки зрения ее *многомерности* и *всеобъемлющего характера*. Стабильный и подлинный многополярный порядок не может определяться исключительно фактическим военным балансом сил, но также должен иметь прочные и надежные экономические основы. В этой связи многое будет зависеть от формирования и прогресса новых моделей международного экономического сотрудничества, как на региональном, так и на глобальном уровне. Примечательно, что по объему ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности, группа государств БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) уже имеет больший экономический вес, чем G7 ²².

Это направление должно быть дополнено альтернативными финансовыми механизмами, направленными на создание противовеса доминированию доллара США, который в последние несколько десятилетий почти *системно* использовался в целях силовой политики США, а именно как инструмент для обеспечения односторонних принудительных мер и, в частности, для их экстерриториального применения. Нет никакой логики в том, чтобы настаивать на использовании валюты одной конкретной страны в качестве единственного средства международных сделок, особенно учитывая, что глобальное влияние этой страны постепенно ослабевает, а она неистово цепляется за эту неустойчивую привилегию, злоупотребляя ею, чтобы сохранить свою гегемонию. Созданный странами БРИКС «Новый банк развития» со штаб-квартирой в Шанхае, возглавляемый Дилмой Русеф, бывшим президентом Бразилии, является важным шагом в направлении создания альтернативных финансовых структур. По словам президента Бразилии Лулы, «Почему такой институт, как банк БРИКС, не может иметь валюту для финансирования торговых отношений между Бразилией и Китаем, между Бразилией и всеми другими странами БРИКС?»²³.

Другими столпами новой многополярной архитектуры могут стать организации с региональными перспективами, такие как Шанхайская

²² Подробнее см. «ВВП БРИКС, потенциальная валюта — вызов доминированию доллара США». Хэн Вэйли в Нью-Йорке, *China Daily Global*, 14 апреля 2023 г.

²³ Там же.

организация сотрудничества (SCO) с ее многомерным фокусом на обороне, международной безопасности и экономике, или Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (СРТПП), при условии, что последняя группировка не станет жертвой стратегии «divide et impera» (лат.: «разделяй и властвуй» — прим. перев.) (если внешнее действующее лицо воспользуется напряженностью между прозападными членами соглашения и Китаем, который подал заявку на членство в группе в 2021 году)²⁴.

Кроме того, прочный многополярный порядок должен будет отказаться от *глобальной культурной гегемонии* — наследия однополярного периода, последовавшего за внезапным прекращением действия биполярного баланса сил. Многомерность нового многополярного порядка должна включать сферы *идеологии* («Weltbild»), а также *информации* и *коммуникации*. При таком порядке ни одна страна, и уж точно не бывший гегемон, не должна претендовать на лидерство в определении глобальных стандартов прав человека или верховенства права. Не может быть многополярности на основе культурного или идеологического единообразия. Нельзя смотреть на мир исключительно «глазами Запада»²⁵, который является лишь одним из нескольких полюсов в формирующемся глобальном соотношении сил.

Ввиду новой многополярной динамики следует также вернуться к концепциям «нового международного экономического порядка» и «нового международного информационно-коммуникационного порядка», от которых поспешно отказались под давлением Запада в 1980-х годах²⁶. Информационный бойкот и систематическая цензура западным блоком новостей из России и Ирана (и это лишь два наиболее ярких примера) еще раз подчеркнули необходимость подлинной многополярности в области глобальной информации. Самым

²⁴ В 2017 году США вышли из предшествующего соглашения ТРП (Транстихоокеанское партнерство).

²⁵ Ср. статью «Коммуникация — ключ к миру» (*Cyprus Mail*, 27 октября 1984 г., с. 3), комментирующую встречу экспертов, созванную Международной организацией прогресса по вопросам нового международного информационно-коммуникационного порядка.

²⁶ Подробнее см. Кехлер (ред.), «Новый международный экономический порядок: Философские и социокультурные последствия». Исследования в области международных отношений, Том III. Гилфорд (Англия): Издательство Guildford Educational Press, 1980 г.; и Кехлер (ред.), «Новый международный информационно-коммуникационный порядок: Основа для культурного диалога и мирного сосуществования народов». Исследования в области международных отношений, Том X. Вена: Издательство Braumüller, 1985.

последним, действительно классическим примером дезинформации и гибридной войны, стало освещение или, напротив, отсутствие освещения западными СМИ саботажа газопровода «Северный поток» в Европе.

С точки зрения зарождающегося нового порядка важным вопросом будет также практика международного уголовного правосудия, зародившаяся во время однополярного промежуточного периода 1990-х годов и представленная рядом произвольных, несбалансированных и дисфункциональных специальных соглашений или органов, которые никоим образом не отражают мнение международного сообщества²⁷. Подлинный и стабильный многополярный баланс сил требует уважения *суверенного* равенства всех государств (выраженного в Уставе ООН) на основе *взаимности*. Это исключает любую институциональную структуру международного уголовного правосудия, которая не обладает универсальностью членства и, как таковая, рискует стать объектом манипуляций со стороны влиятельных субъектов внутри и вне этой структуры²⁸. Мирный многополярный порядок не может сосуществовать с политизированной системой фальшивой международной юрисдикции. Несовпадение парадигм — суверенное равенство государств против универсальной и абсолютной власти должностных лиц невыборного органа без какой-либо демократической легитимации — показывает эту несовместимость. Возникающая при этом путаница способствует оппортунистическому использованию уголовного правосудия и является рецептом для постоянного напряжения и конфликта между государствами²⁹.

Выводы: Суверенитет и баланс сил

Чтобы новый многополярный порядок был прочным и устойчивым, он должен основываться на *взаимном* признании суверенитета. В содержательном смысле это понятие относится не только к правовой, но и к военной, экономической и

²⁷ Ср. Кехлер, «Право и политика в глобальном порядке: Проблемы и трудности универсальной юрисдикции», в источнике: Международная конференция по новым тенденциям в международной уголовной юриспруденции, 10–11 декабря 2005 г., Нью-Дели: *Памятные доклады конференции*. Нью-Дели: Индийское общество международного права, 2005 г., с. 28–30.

²⁸ Ср. Кехлер, «Глобальная справедливость или глобальная месть? Международное уголовное правосудие на распутье». Вена / Нью-Йорк: Издательство Springer, 2004.

²⁹ О системных проблемах международного уголовного правосудия в контексте политики власти см. также Кехлер, «Справедливость и Realpolitik: затруднительное положение Международного уголовного суда», в источнике: *Chinese Journal of International Law*, Том 16, выпуск 1 (2017), с. 1–9.

культурной сфере. *Формальное* право (голоса) государств в международных организациях абстрактно и поверхностно, если большинство государств в конечном итоге находятся во власти влиятельных игроков, способных навязать свой выбор методами, которые фактически равносильны шантажу³⁰.

Только в условиях подлинного многополярного соотношения сил малые и средние державы могут восстановить и сохранить свою способность принимать решения в качестве *равноправных* членов международного сообщества, как это предусмотрено Уставом ООН³¹. Только конфигурация, в которой несколько центров силы сдерживают друг друга, обеспечит достаточное пространство для принятия решений меньшими государствами без запугивания или страха. Только это поможет им избежать ловушки «*divide et impera*», которую так часто расставляет гегемон, стремящийся к господству любой ценой. Отчаянные попытки доминирующего западного игрока извлечь выгоду из такой макиавеллистской тактики даже по отношению к таким крупным державам, как Китай или Индия³², являются лишь последним и наиболее очевидным признаком того, что трансформация в направлении многополярной глобальной конфигурации идет полным ходом.

В формирующейся конфигурации ни одна страна не может претендовать на статус парадигмы. Высокомерное миссионерское настаивание на культурном и идеологическом превосходстве, используемое как основание для требования повиноваться и легитимации принудительных действий в любой точке земного шара, — это оружие, которое уже затупилось и не сможет предотвратить неизбежное.

³⁰ В качестве примера можно привести давление, оказанное на непостоянных членов Совета Безопасности ООН при голосовании перед началом войны в Персидском заливе 1991 года, о котором упоминает Эрскин Чайлдерс в статье: «Спрос на равенство и равноправие: Разрыв между Севером и Югом в Организации Объединенных Наций», в источнике: Ганс Кехлер (ред.), «Организация Объединенных Наций и международная демократия». Вена: Джамахирское общество культуры и философии, 1995 г., с. 17–36; с. 32.

³¹ Статья 2(1) утверждает «суверенное равенство» государств как основополагающий «Принцип» Организации Объединенных Наций.

³² Одновременное членство Индии в БРИКС и альянсе Quad («Четырехсторонний диалог по безопасности» между Австралией, Индией, Японией и США) иллюстрирует эту проблему.